

СОЛДАТСКИЙ ЮМОР В СВЕТЕ НАРОДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О современном армейском фольклоре в последние годы пишут достаточно часто и почти всегда в одном ключе: «Бестолковые команды, дубовые приказы, идиотские армейские ситуации отразились в языке, породили особую солдатскую субкультуру. Фольклор стал психологической реакцией на абсурдные несправедливости службы в Вооруженных силах... Полурабское положение солдата позволяет ему разрядиться только в устном творчестве», - это пишет журналистка Е.Колядина¹, опубликовавшая целый ряд статей о солдатском фольклоре. «Солдатский фольклор создает как бы два мира это «гражданка» и армия. И тот и другой условны, это не реалистическое воссоздание действительности, скорее, это утопия и антиутопия. «Гражданка» — мир покоя, веселья и вечного досуга... Армия — мир, нарисованный черной краской (подчернуто мною - В.Б.): «Служба солдата — как погоны генерала: один зигзаг и ни одного просвета», «жизнь солдата — это борьба: до обеда — с голодом, после обеда — со сном...» — это пишет фольклористка И.Н. Райкова², будто не замечая, что солдаты балагурят.

Солдатский фольклор нельзя «раздергивать», разымать, особенно письменный, бытующий в виде песенников, дембельских блокнотов, достаточно взять один и можно увидеть в нем текстовое разнообразие. Вот блокнот Евгения В. из Н-Тагила, который в 1997-1999 гг. служил на Камчатке³; с одной стороны, в нем такие изречения, как «забудь о бабах и вине, ведь ты попал служить в ПВ» (*пограничные войска*), «кто в жизни счастья не нашел, тот в погран служить пошел», «армия— это дурдом, а учебка — двери в нем», «армия — факел, в котором сгорает твоя молодость», «армия учит всему, даже смеяться сквозь слезы», «пятнистые кепи, наглые лица: отряд погранцов идет похмелиться» и т.п., а с другой стороны, тот же парень записывает в свой блокнот стихи и афоризмы, которые позволяют видеть в нем человека, осознающего, что такое настоящая служба, преданность родине, честь и достоинство: «за чистое небо, за счастье людей я отдал границе 730 дней», «граница — это сотни бессонных ночей, это подвиг настоящих парней», «теперь ты воин — пограничник, защитник родины своей и только от тебя

зависит спокойство наших матерей», «закон границы: если смерть смотрит в глаза друга, то переведи ее взгляд на себя» и еще:

В бою кровавом иль хмельном пиру
Меч может потерять и силу,
Но если потеряешь честь свою,
То бойся жизни больше, чем могилы.

Ведь никто не заставлял владельца блокнота записывать подобные высказывания. Совершенно очевидно, что им двигала внутренняя потребность, желание выразить свои мысли, чувства, настроение.

Конечно, в солдатском фольклоре можно найти, что угодно — все зависит от аспекта поиска. Но если это фольклор, то в нем должна быть претворена народная поэтическая традиция, исследование которой даст истинное понимание. Традиция действительно ощутима. Достаточно типологически соотнести дембельские блокноты с солдатскими песнями прошлых веков, чтобы увидеть те же критические высказывания о ненужности строевых занятий, глупости начальников, чрезмерности армейских требований, худой пище, жестокости командиров и т.п.; одновременно песни доносят до нас образ солдата, преданного родине, храброго и смелого, готового служить честно и отдать жизнь за русский народ; в тех же песнях — думы о родном доме, тоска по семье, по прежней жизни, мечты поскорее вернуться домой и т.п. Но есть еще одна линия продолжения народной культурной традиции в современном солдатском фольклоре.

Когда читаешь солдатские блокноты подряд, невольно вспоминаешь высказывания Пушкина, Гоголя, Некрасова о склонности к шутке, розыгрышу, острому слову, о веселости как свойствах натуры русского народа. Возникает именно эта высокая мысль. Первые два-три блокнота читаются с интересом к содержанию, затем начинаешь замечать повторяемость и усиливается внимание к ней: наглядно предстают повторы комических песен, эротических тосков, пародийных мотивов, шутливых «словарей», иронических поздравлений и т.п., вырисовывается схожесть сюжетов, жанровые закономерности, система поэтических приемов. И после прочтения полутора-двух десятков блокнотов уже убежденно думаешь о своеобразии современной молодежной комики, о ее роли в жизни юношей, молодых мужчин, надевших военную форму, о ее связи с традицией. Авторы блокнотов, 18-20-летние танкисты,

матросы, пограничники, связисты, десантники не только язвят, зло иронизируют, цинично осмеивают, но и по-доброму смеются, балагурят, «понарошке» бахвалятся, шутейски бравируют, «юморят» — для них этот веселый, но и насмешливый взгляд по сути дела жизненный принцип поведения.

Обычно о солдатском юморе говорят слегка иронично, называя его “соленым”, “кирзовым”, “казарменным”. Но это юмор, характерный для временного мужского сообщества, будь то какая-нибудь бригада, артель рабочих или взвод, рота курсантов, солдат, моряков или пограничная застава, экипаж подводной лодки, где юноши, мужчины объединены общим делом и определенный период должны находиться вместе. Помимо производственных или уставных отношений в таких сообществах устанавливаются свои неформальные регламентации, возникает внутренняя иерархия, свои этико-психологические критерии, нормы, ценности и т.п. и в том числе идеалы, с позиций которых высмеивается все или, по крайней мере, многое. Смех солдат не касается, во-первых, матери, отца, сестры, братьев, вообще родственников, родного дома, своей малой родины — это святое, и не может быть насмешливых тонов, когда возникает эта тема; во-вторых, вне зоны смеха находится собственно военная служба. Учения, полевые стрельбы, техническое обеспечение полетов, прыжки с парашютом, ночные дозоры, морские походы, обслуживание сложной техники и многое другое, что составляет суть военной службы не попадает в смеховой мир.

Солдатский фольклор обращается прежде всего к бытовой стороне воинской службы. Армейская служба — это постоянная работа, которая найдет каждого: «армия — не Америка, без работы не будешь», но в ней много нерационального: «в армии все круглое носят, а квадратное катают», «в армии ничего не делаешь, а без дела не сидишь». Служба предстает как череда бесконечных, надоевших хозяйственных и бытовых дел. «Ремень, лопата, лом и веник, плюс семь рублей казенных денег, кровать, подушка и матрац, ну вот и все, что есть у нас»; по дембельским альбомам судить, так можно подумать, что солдату и матросу не приходится быть на полигоне или в радиорубке, в стрелковом тире или машинном отделении корабля. Нужно все время мыть полы, убирать туалеты — «это не рок, это не джаз, это два “духа” скребут унитаза», «Дембель неизбежен, как крах капитализма», — сказал дух, вытирая слезы половой тряпкой»; нужно постоянно приводить в порядок территорию,

мести и чистить: «завалило снегом плац, весь наш взвод в ударе, старшина сказал «Убрать!» — и асфальт убрали!»; нужно проводить какие-то разгрузочные, ремонтные, строительные работы, поэтому «носилки, веник и лопата — друзья российского солдата», «солдат что трактор: ворчит, но тащит» или «На сопках снег, в душе зима, не скоро мне придет пора вернуться в милые края. Ну а пока пришла пора грузить цемент, пилить дрова..» Произошло как бы превращение службы по защите родины в хозяйственно-строительные занятия, и в них тоже есть элита: «два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один матрос хреновый заменяет трактор новый» или «два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один тамбовский дух заменяет этих двух, кантемировский солдат заменяет весь стройбат».

Принимая хозяйственную работу как неизбежность, солдаты с юмором говорят, что не нужно «возникать», «высовываться»: «не говори сержанту, что земля круглая, а то заставит ровнять»; нужно делать «ходы конем в сторону», отлынивать: «если не хочешь, чтобы тебя метлой довели до кипения, нужно вовремя испариться», и вообще необходимо быть по-настоящему находчивым: «Почему в армии нет КВН? Потому что все веселые на губе, а находчивые в санчасти» или «закон сохранения энергии: делай вид, что работаешь».

И конечно, популярная тема солдатского юмора — сон «в любом положении». Хозяйственная работа и сон — это как бы два главных дела, два взаимозаменяемых состояния, хотя сон предпочтительнее: «Мы работы не боимся, нет работы — спать ложимся, есть работа — тоже спим, без работы не сидим». Если в хозяйственной работе время тягостно тянется, то во сне летит. Кстати сказать, временная протяженность службы — предмет особого внимания всех солдат и матросов. Оно подсчитывается через месяцы, недели, дни, часы; практически в каждом блокноте можно встретить эти подсчеты, включая минуты (2 года — 1051200 минут) и секунды (6307200). Шутливый подсчет идет и по нормам довольствия: «Масло съел — день прошел, два яйца — прошла неделя, что бы нам такое съесть, чтоб два года пролетело?» или: «2 года — 210 яиц, 24 месяца — 21 кг. 900 гр. масла, 104 недели — 46 кг. 450 гр. сахара, 730 дней - море овсянки и перловки». Сон представляется некой чуть ли не материальной силой, бесследно поглощающей время службы: «солдат спит — служба идет, так пусть солдату дадут больше спать» или:

Отлично — когда солдат спит, а служба идет,
Хорошо — когда солдат идет и служба идет,
Плохо — когда солдат бежит, а служба идет.

Для солдата с чувством к «мюра» сон не физиологическая потребность организма, а едва ли не служебное занятие: «сон — единственное дело, которым матрос занимается всерьез» или «чтобы дембелю помочь, нужно спать и день и ночь», поэтому «запомни сам и передай другому: чем больше спишь, тем ближе к дому». Для солдата ночь — это возможность во сне побывать дома:

Я ночью дома, утром — тут,
Крик, рев дневального зовут
На физзарядку, на подъем,
Аж крыша ходит ходуном,
Но вот команда на отбой,
И мне опять пора домой.

По всем армейским тетрадам кочуют афоризмы, превозносящие сон как лучшее благо, как прекрасное состояние, как божье создание: «Бог создал отбой и тишину, черт — подъем и старшину», «сон десантника прекрасен, как ноги стюардессы, и короток, как ее юбка». У сна живородящая сила, ибо от «сна еще никто не умирал», а «здоровый сон десантника — еще один удар по Пентагону». Дурачась, солдаты даже сочиняют колыбельные песни. В одной из них пародируется колыбельная «Спят усталые игрушки», не сходившая с телеэкрана десятки лет: «Спят усталые сержанты, духи спят, одеяла и подушки ждут солдат, даже прапор спать ложится, чтобы ночью нам присниться, койки расправляй, баю - бай». И далее говорится, что ночью можно покататься на БМП, с генералом подружиться и в санчасти полечиться. А в другой колыбельной — пожелание увидеть самое приятное во сне:

Спи, солдат, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом у речки,
Баба голая на печке,
Ящик водки, пива таз
И о дембеле приказ.

Изображение военной службы в солдатской комике через хозяйственно-бытовые дела, через сон, лень, отлынивание и т.п. кажется неожиданным только на первый взгляд, на самом же деле является фольклорной традицией, сложившейся еще во времена активного

бытования былевого эпоса. В юмористических эпических песнях, которые принято называть скоморощинами, пародиями, все героическое, начиная от богатыря, его вооружения и кончая битвой, насмешливо переведено в бытовой план. Если в былинах «дородный добрый молодец» находится в ореоле славы и уважения, то в пародиях он корыто принимает за большую реку, сзидит на чужих дровнях, отбирает у ребятишек хлебные корки. Даже Илья Муромец сражается с обыкновенным зайцем: «наехал на врага на засца да выстрелили да триста три стрелы»⁴. В классической пародии «Агафонушка» из Сборника Кирши Данилова былинное «широкое раздолье» — это перед печью шесток, «чистое поле — по подлавечью, а и синее море — в лохани вода», богатырская битва — это драка женщин, цель: «о том пироге, о яшном мучнике», оружие: «востры сабли — кокошники, а и тяжкия палицы — шемшуры», итог битвы: «убили курицу пропащую»; «сильной — могуч богатырь» Агафонушка одет в шубу «из свиных хвостов», у трех других «могучих богатырей» или «блинами голова испроломана», или «соломой ноги изломаны». Нет необходимости умножать примеры и углубляться в функции, специфику эпического пародирования, важно отметить сам факт изображения в смеховом аспекте былинного героя и его военных деяний через бытовую обыденность. В творчестве нынешних солдат, конечно, «сработала» коллективная память, народная традиция.

В солдатских блокнотах часто мелькает фраза «слов на свете лучше нет: перекур, отбой, обед», перекликающаяся, с афоризмом «Настоящий солдат имеет зверский аппетит и спит в любом положении». Вволю поспать и плотно поесть — постоянная дума солдата, если судить по записям, и она комически обыгрывается в довольно широком жанровом диапазоне: от «жалобы» «Кто не был в учебке, тому не понять, как хочется кушать, как хочется спать» до пародийного лозунга «Выспавшийся пограничник, вооруженный ложкой, непобедим!» Сон и еда могут быть даже критерием казарменной иерархии: «Если ты проспал обед, значит, ты, конечно, «дед». Шутят насчет плохой, невкусной еды:

«Бессмертный я», — сказал Кошей,
Но зря он похвалился:
Хлебнул Кошей солдатских шей
И замертво свалился.

Но чаще всего тема еды превращается в тему однообразной еды. В солдатских байках постоянно фигурирует перловка, овсянка, «суп

из круп», недосевшие рожки «За два года солдат съедает столько овса, что ему стыдно смотреть в глаза лошади,» — эту запись можно встретить во многих блокнотах, как и выразительное четверостишие:

Как живу? Живу, как в сказке,
Нет ни мяса, ни колбаски,
Яйца вижу только в бане
Между ног у друга Сани.

С темой сна иногда соседствует тема вина, опьянения, но чаще она развивается самостоятельно, в частности, в афоризмах: «водка—враг, а солдат врага не боится», «матросы пьют не ради пьянства, а ради сплочения коллектива», «самое страшное в мире оружие — русский танк с пьяным экипажем». Опьянение эстетизируется и предстает как благо, которого лишен солдат, но ощутимо нарочитое бахвальство и комически преувеличенная потребность употребления спиртного: «если б море было водкой, я бы стал подводной лодкой», «верблюд может неделю работать и не пить, моряк может неделю пить и не работать», «водку холодную я уважаю, теплую водку я тоже люблю» или тост, выдерживающий логику пьяного:

Кто много пьет, тот много спит,
Кто много спит, тот не вредит,
Кто не вредит, тот чист душой,
Отсюда вывод: пей, родной!

В юмористической тональности проводится мысль, что много пить — дело настоящих мужчин, будь он моряк, танкист, пограничник, что пить надо везде: в самоволке, казарме, «на этом свете и на том». Можно написать отдельную статью о письменных армейских тостах — именно письменных, ибо попытки записать их от демобилизованных солдат приносят весьма скромные результаты. А в письменной форме они широко бытуют и достаточно колоритны, афористичны, иногда остроумны. «Я пью за тех, кто на борту, а кто за бортом, сам напьюсь»; «Пьем за тех, кто в сапогах, а кто в кроссовках, сам нальется»; «Не плачь, матрос, взойдет она, на водку прежняя цена,» — это лишь некоторые фрагменты тостов. Естественно, что молодые мужчины обязательно включают в тосты эротические мотивы: «Солнце раздевает девушку до купальника. Так выпьем за глаза десантника, которые горят ярче солнца!» Еще пример: «После кораблекрушения на остров попали голые мужчина и женщина. Женщина прикрылась шалью, а мужчина шляпой. Долго

они смотрели друг на друга. Когда женщина скинула шаль, а мужчина убрал руку, то шляпа осталась на месте. Так выпьем за ту магическую силу, которая держала шляпу». Иногда в тостах рисуется предстоящее «на гражданке» возлияние в женской компании: «Ты верь, солдат, наступит ДМБ: не будет лычек и погон, и где-нибудь в общаге женской хлестать мы будем самогон».

В русском комическом фольклоре есть масса произведений, высмеивающих соседей или людей другой профессии, иной социальной группы. «Кто жил в деревне, тот знает, что даже жители двух соседних деревень изощраются в своем остроумии насчет друг друга. Подобное отношение к своим соседям породило целую литературу народных рассказов»⁵. Ироническая похвала встречается даже в комических запевах былин и концовках или веселых конечных припевах, как их называл В.Ф. Миллер, — в них дается двойственная оценка: сказитель может одновременно хвалить «толстобрюхих» бабенок-пошозерочек и «церковное строение в каменной Москве», «колокольный звон» в Новгороде и «дешевы поцелуи в Белозерской стороне»⁶. Эта многовековая традиция незлобивой насмешки, дружеского подтрунивания, очень характерная для русской народной культуры, продолжается в письменном фольклоре современных солдат. Они стремятся смешно сказать о других, прибегая даже к «слишком» экспрессивной лексике: «Масхалат и в ж ветка — это движется разведка», «кто еб в дождь и грязь? Наша доблестная связь», «Кто счастья в жизни не нашел, танкистом в армию пошел», «Кто летит быстрее мухи — это доблестные духи», «Обходи трамвай спереди, автобус сзади, а матроса стороной». Ироническая хвала может переходить в самопохвалу и здесь тематический диапазон не имеет ограничений: от превознесения своего рода войск: «Пограничные войска это щит нашей родины, а остальные войска — шурупы, вкрученные в этот щит» до восхваления мужской потенции пехотинца, радиста, авиатора и т.п.: «Девушки! Лучше попасть под танк, чем под матроса». Все действуют по известной пословице «сам себя не похвалишь — как оплеванный стоишь», поэтому пограничники, танкисты гиперболизируют свою агрессию, силу: «Тигр набросился на погранца — страшнее для тигра не видел конца»; «Не пыли, пехота, не стучи радист, если под березой пьяный спит танкист»; «Не плюй в сторону танкиста, а то придется челюсть выплюнуть». Матросы вообще готовы себя противопоставить всем, кто носит сапоги, а не ботинки: «Запомни, сапог! Никогда не переходи дорогу матросу, тогда сохранишь не

только красоту и здоровье, но и способность передвигаться», «Как не сравнишь морские брызги с пылью, так не сравнишь солдата с моряком». А те, кто носит сапоги, парируют: «Лучше два года бегать в сапогах и кричать «Ура!», чем три года бегать в ботинках и кричать «Полундра!». Артиллеристы считают себя умнее всех: «Умные служат в артиллерии, дураки — в пехоте, пьяницы — во флоте», десантники комически преувеличивают характерную для них физическую крепость, внезапность действий, умение ориентироваться в сложных обстоятельствах: «Десантник не найдет выхода только из могилы», «Десантник — не минздрав, предупреждать не будет»; «Десантник бежит сколько может, а потом сколько нужно»; «Если у десантника не хватит сил, чтобы победить, то их хватит, чтобы не покориться»; Дай десантнику свободу, а остальное он возьмет сам». В байках солдат присутствует и хвастовство, даже некоторое самодовольство, однако сознательная преувеличенность подается в юмористической форме и возникающий комизм превращает все в шутку, в которой есть лишь доля правды.

В солдатских блокнотах достаточно много орфографических и пунктуационных ошибок и, тем не менее, можно говорить, что свой родной язык солдаты знают хорошо, ибо чувствуют основные языковые нормы, иронически воспринимают их нарушение, осмеивают тех, кто допускает речевые ляпы, и имеют склонность к языковой игре, как и все русские. Покажем это ниже, а сейчас отметим, что в русском фольклоре положительные герои былин, сказок, песен всегда обладают не только внешней привлекательностью, силой, добротой и т.п., но и знанием родного языка, умением общаться. Они русские прежде всего потому, что хорошо освоили родной язык. Они являются своеобразным идеалом, с позиции которого высмеиваются тугодумы, косноязычные простаки. Существуют десятки сюжетов, а если учесть варианты, то это несколько сотен сказок и анекдотов, в которых высмеиваются люди, имеющие бедный лексикон, не понимающие многозначности слов, не способные оценить речевой контекст и т.п., а оставляющий их в дураках герой легко ориентируется в семантике, без труда создаст окказионализмы, использует синонимы, омонимы, подбирает рифмы и т.п. Причем высмеиваются люди всех сословий и возрастов, даже старики. С народной точки зрения плохое знание родного языка — это как бы отдаление от национального духовного единства, от национальной культуры, и своей критикой, выраженной в сказках

и анекдотах, народ способствует тому, чтобы не происходило этого отдаления.

Солдаты, весело реагирующие на речевые ошибки сержантов, прапорщиков, офицеров, конечно, находятся в рамках национальной культурной традиции. Они замечают отклонения от языкового стандарта у командиров в повседневном общении и фиксируют их высказывания на правах жанра в своих блокнотах. Например, в высказываниях возникает комизм, когда слово употребляется как предмет, не будучи таковым: «Почему у вас в тумбочке бардак валяется?»; включаются поговорки, фразеологизмы с ошибочной заменой слова или ненужным добавлением: «Это вам чревато боком», «Что вы спите, стоя на ходу?», «Не тяните резину в долгий ящик»; не различается контекстный смысл слов (например, помойка - помывка): «Рота! На помойку в баню становись!»; вводятся сравнения, противоречащие здравой логике: «Что вы матом ругаетесь? Как маленькие дети!»; искажается согласование и смысловое употребление глаголов: «Здесь вам не гражданка: здесь вам быстро отвыкнут водку пьянствовать». Интересно, что одни и те же ошибочные высказывания записаны в блокнотах, составленных в разных местах и в разное время, очевидно, они стали устоявшимися словесными шутками и бытуют на потеху солдат. В частности, наш материал примерно на одну треть совпадает с текстами, опубликованными И.Н. Райковой⁷. Высказывания действительно колоритны: «Сегодня копаем от забора до ужина!»; «Эй, вы, трос! Оба ко мне!»; «Возьмите устав и перепишите наизусть»; «Если вы хотите что-то сказать, стойте и молчите!»; «Молчать! Я вас спрашиваю!»; «Вам бы все булочки, девочки и сметана»; «Не умерли в пеленках, не умрете и в портянках»; «По команде «отбой» наступаст темное время суток» и т.п.

В ряду смешных высказываний, содержащих речевые погрешности, можно назвать бытующие стихотворения, в которых речевые ошибки используются в качестве поэтического приема. Стихотворения строятся как рассказ нерусского солдата о своей службе; комический потенциал кроется в сознательном несогласовании рода, числа, падежа существительных с глаголами, прилагательными и другими частями речи. Не надо думать, что стихи направлены против кого-то из нерусских солдат, нет, просто русские солдаты используют форму речи как источник эстетического. Иными словами, они занимаются языковой игрой, т.е. идут на условное нарушение правил функционирования языка в речи с целью достижения юмористического эффекта⁸. Лишь один пример:

Моя в армия призывал,
Волосы подрезал,
Красный куртка отобрал,
Дал какой-то серый.
Сапоги хороший дал,
На ремень железка,
Черный хлеб моя давал,
Говорил: полезно и т.п.

Подобный прием — не придумка солдата. В прошлом веке такие песни бытовали в мужской среде, например, в артелях сплавщиков, где вместе с русскими работали чуваша, татары, башкиры:

Сакмарик — река болина быстра,
Тащить бревна болина толста.
Ах, беревнышко, беревнышко!
Ты скажи мосей отца-матерям...

Далее шла просьба, чтобы «беревнышко», плывущее вниз по реке, рассказало о том, как герой работает и скучает по дому⁹. Языковая игра очень широко используется в русском фольклоре: в народном театре, во всех речевых жанрах ярмарочно-торгового комплекса, в загадках, скороговорках, этнических эпитетах, коллективных прозвищах, анекдотах и т.д. И современный солдатский фольклор продолжает эту традицию. Например, солдаты создают афоризмы с использованием приемов языковой игры: «Курить я не брошу, но пить буду»; «Два татары, три шеренги становись!»; «Говорят, что солдат служит, нет, служит собака, а солдат отдаст долг родине».

Отметим еще жанр комических словарей, состоящий из основных армейских понятий, объясняемых через, например, названия популярных кинофильмов или литературных произведений: вызов к комбату — иду на грозу; гауптвахта — как закалялась сталь (или: укрощение строптивых); зарядка — казнь на рассвете; добавка — зигзаг удачи; дневальный свободной смены — ко мне, Мухтар!; каптерка — остров сокровищ; курилка — место встречи изменить нельзя; марш-бросок в противогазах — никто не хотел умирать; развод — тени исчезают в полдень; утренний осмотр — следствие ведут знатоки; хлебрез — бриллиантовая рука. Иногда кратко цитируются известные песни: баня — каким ты был, таким остался; бег в противогазах — земля в иллюминаторе; гражданка — как прекрасен этот мир; отбой — я люблю тебя жизнь, тревога — играют мальчики в войну.

Могут также привлекаться афоризмы, крылатые слова, поговорки, имена известных людей (дежурный по части – Иван Грозный), литературных персонажей Али-баба, собака Баскервилей) и т.п. Как исключение, можно отметить высказывания, видимо, кого-то из вышестоящих: баня – воду видел, значит, помылся; занятия – дубами были, дубами и остались. Таким образом, в словарях используется один из приемов языковой игры: характеристика предмета, человека, явления, факта посредством цитирования известного всем текста. По приведенным примерам, количество которых можно легко увеличить, видно, что комический словарь – всегда столкновение двух смыслов, соотнесение армейской повседневности с национальным литературно-культурным фоном и чем неожиданнее сближение, чем внезапнее предложенная «корреляция», тем сильнее юмористический эффект, тем отчетливее выражено отношение солдата к тому, что его окружает, и его оценка. Несмотря на то, что отношение к фактам может быть иронично злым или добродушно-улыбчивым, вся военная будничность оказывается эстетически освоенной и в конечном итоге весело воспринимаемой.

На страницах солдатских блокнотов встречаются расшифровки слов, которые обычно называют акронимами (инициальный тип сложносокращенных слов). У солдата встречаются акронимы – ВВС, ПВ, АКШ – они включаются как обычные аббревиатуры в песни, стихи, афоризмы, и не каждый «посторонний» читатель сразу догадается, о чем идет речь: «Камуфляж промок от пота, не равняйте нас с пехотой, не шурупы, не ВВ, мы ребята из ПВ». Но есть три случая, когда акронимы приобретают игровую сущность. Первый – обычная аббревиатура «расшифровывается» комически:

Физическое
Истребление
Здорового
Организма

Во втором – соотносятся две аббревиатуры:

ВВС – военно-воздушные силы

ПВО – сами не летают и другим не дают

Читатель после ВВС ожидает такой же расшифровки ПВО, но она заменена «крылатым» афоризмом. Обе аббревиатуры сопоставлены по закону композиционного контраста, возникает новый смысл вместе с комическим потенциалом. Очевидно, можно сказать, что перед нами не обычный акроним, а игровой акроним, который

является уже не фактом языка, а фольклора. Третий вид игрового акронима более распространен. Солдаты, понимая принцип языковой аббревиатуры, обыгрывают его: берется не сложносокращенное, а обычное слово и «расшифровывается» как акроним, иногда в серьезном, чаще в смеховом плане:

Колоссальная Универсальная Рабочая Сила Абсолютно Нежелающая Трудиться	Самым Лучшим Уроком Была Армия	Солдат Любящий Охеренную Нагрузку

Игровые акронимы рассчитаны на письменную речь, на зрительное восприятие и являются жанром письменного фольклора, в основе которого лежит один из приемов языковой игры.

Традиционными являются пародийные приказы или указы, которые часто помещаются в самом начале блокнота и как бы выполняют функцию самопредставления хозяина: сообщается фамилия, имя солдата, время призыва в армию, иногда место службы с номером воинской части: «Приказ от 30 мая 1995 года. По велению государя императора и решения Палаты всяя Руси о надобности защиты Земли Русской от набегов вражьей черни забрать в солдаты Михаила сына Васильева, принять его в дружину ратную. Представить его оку ясному императору побритым наголо, следовать пешим в поместье Чебаркульское, стольный город Чебаркуль, в палаты белокаменные в/ч (указан номер воинской части – В.Б.). Воевода всяя Руси Павел Грачев». Иногда «воевода» пересказывает текст государева указа о призыве в армию: «Я, воевода всяя Руси, маршал Сергеев, смею донести до ушей всего честного люда указ великого государя– батюшки» Очевидно, можно говорить об актуализации традиции шуточных царских, а также смеховых указов, звучавших во время шумных и веселых масленичных гуляний. Образность, стилистика, ритм, шуточных указов прошлых времен не очень точно, но все-таки выдержаны в солдатских текстах и приносят комизм, который усиливается контрастом «седой старины» и современных реалий.

Актуализируется также жанр молитвы. Показателен факт: солдаты иногда переписывают настоящую молитву «Отче наш», правда,

с большим количеством ошибок. Пародийным молитвам уделяется гораздо больше внимания. Как правило, они содержат перечисление обычных тягот: солдат просит избавить его от раннего подъема, от зарядки, строевых занятий, «тяжелой работы» (без уточнений), от ночных тревог, а завершается все тоже обычными мотивами сна, вина, секса, «дембеля»:

Дай мне, боже, бабу помоложе,
Водки кружку
Да пуховую подушку,
Да сохрани до дембеля.

Иногда пресвятой матерью называется Демобилизация — именно к ней обращена молитва солдата. Попутно отметим, что «пресвятые» родители могут фигурировать в пародийных лозунгах, например: «Да здравствует пресвятой отец — Отпуск и пресвятая мать — Демобилизация!».

К числу давних, даже древних относится тема осмеяния своей жены. И хотя среди нынешних солдат и матрос женаты единицы, их эта тема занимает и разрабатывается в традициях народной комедии, хотя и с некоторым переосмыслением. Если в традиционной комедии жена мыслилась как вторая половина смеющегося балагура и он, высмеивая свою жену, фактически смеялся над собой, то в современных шутках солдат о жене нет никакой направленности смеха на себя, ибо они высмеивают жену вообще и женщину вообще. В первом случае это, например, «Устав жены», в котором приказным тоном и с соблюдением как бы уставных позиций перечисляются ее права и обязанности, причем упор сделан на последних с акцентированием мотива вина: жена должна следить за кладовой для хранения хмельных напитков, по первому требованию выставлять вино для мужа и его друзей, если муж заявился домой пьяным, спокойно раздеть и уложить спать и т.п. — здесь нет открытого смеха, скорее, скрытая насмешка, легкая ирония над женщиной, которая обязана быть кроткой, «знать свой шесток».. Во втором случае женщина высмеивается посредством старого приема, восходящего к алогичным рецептам демократической сатиры XVII века. Дается «рецепт женской души» в форме «открытой лжи» или «лепой нелепицы»: «полпуда правды, пуд нахальства, три грамма верности, пуд зла, коварства десять килограммов (и т.п.) — затем сложить все это вместе, добавить дури два ведра, поставить все в холодном месте; и вот вам женская душа».

Показательно, что, осмеивая армейскую повседневность, солдаты не исключают себя из «зоны» осмеяния. Даже позорная дедовщина самоиронично осмысливается как данность казарменной иерархии, через которую проходит каждый. «В армии нет «не могу», «не хочу» — дедушка скажет, и я полечу» — это участь самых молодых. И тот же солдат записывает: «Четыре периода службы: первый — приказано выжить, второй — без вины виноватый, третий — веселые ребята, четвертый — деловые люди» или «Полгода нас гоняют, полгода мы живем, полгода мы гоняем, полгода дембель ждем».

Несколько слов о нецензурных выражениях, встречающихся в блокнотах. Солдаты фиксируют афоризмы, констатирующие наличие и даже необходимость нецензурных слов в армейском обиходе, например: «Армия без мата, что солдат без автомата». Андрей Ч. на первой странице своего блокнота просит прощения за употребление бранных слов: «А если этот блокнот попадет в руки девушки, то пусть простит за грубость». Учитывая высказывания солдат, можно «суммировать» их мнение: для мужчин нет табуированной лексики, брань правомерна в их среде, а при женщинах ее употребление неприлично. Набор нецензурных слов достаточно скромный — это обозначение совокупления и гениталий, но функционируют многочисленные производные с самым неожиданным значением: ударить, набить, избить, хлеснуть, постоянно требовать, украсть, придираться, формально решить вопрос, отбыть наказание на гауптвахте и т.п. Кстати сказать, в блокнотах нет основного русского ругательства, связанного со словом «мать». Главная функция нецензурной лексики в солдатском фольклоре — выражение эмоциональности, экспрессивности. Встретилось лишь несколько стихотворений, в которых бранные выражения специально подбираются и рифмуются; в одном стихотворении дается описание любовного свидания с соитием. Но в целом солдатские блокноты абсолютно непоставимы, предположим, с «Заветными сказками» А.Н.Афанасьева, в которых сексуальные игры, фаллические мотивы являются предметом изображения.

Можно продолжать анализ, привлекая другой материал, но можно ограничиться и высказать несколько обобщающих соображений.

Попад в армию, личность оказывается в условиях строгих приказов, жестких уставных правил, требующих подчинения и отказа от некоторых сложившихся привычек, поведенческих стереотипов, наклонностей. Начинается сложный процесс принятия-непринятия личностью армейских требований, который продолжается в

течение всего срока службы, и солдатский фольклор отражает этот процесс. С одной стороны, в блокнотах фольклорные, литературные, авторские стихи, песни и другие тексты, свидетельствующие, что личность приняла, усвоила, сделала своими жизненными установками те идеалы и идеи, которые необходимо иметь каждому сознательному воину; но могут быть и личности, которые эти идеи или не полностью освоили, или напрочь отвергли. Сколько одних, других и третьих, по фольклорным блокнотам точно не скажешь. С другой стороны, блокноты отражают не столько личностный, сколько коллективный критицизм солдат. Он проявляется, как правило, в комической ипостаси в форме самых разных жанров коллективного письменного творчества.

Армейский уклад выступает перед молодыми людьми как устойчиво-неизменный, « канонизированный», «дубовый». Но человек всегда все воспринимает аналитически; хотя бы интуитивно, он понимает противоречивость любого факта реальности и через комическое стремится обнаружить двойственность того, что выдает себя за раз и навсегда данное, установившееся. Комбат, солдат, старшина — серьезно, пресно, обыденно, ничего смешного; но если в «словаре» написать: комбат — Иван Грозный, солдат — человек без паспорта, старшина — волк на псарне — уже смешно, потому что вещи, соотнесенные с другими вещами, обнаруживают свою двойственность: конечно, комбат — не Иван Грозный, но что-то в нем и от этого царя есть, например, вспыльчивость, — хотя бы на короткое время комбат и тот и не тот, возник новый жанровый поворот, новый взгляд, новый угол зрения, запечатленная оценка, а главное — смешно. И это основной механизм смехового анализа, которому солдаты подвергают весь армейский уклад.

Они ничего не выдумывают, предмет смеха — окружающая их повседневность. А коллективная память «подбрасывает» из традиционного народного поэтического арсенала проверенные на смеховую реакцию способы изображения, приемы, средства, мотивы — выбор широкий. И солдаты свободно обращаются к этому арсеналу, творчески соотнося его с современностью. Поэтому военная служба изображается у них, как в пародийном эпосе, если иметь в виду сам принцип комической заземленности на быт: она предстает в ее смеховой двойственности — хозяйственно-бытовой работе с акцентом на сон, лень, на отлынивание, ничегонеделание. В духе народной комики разрабатывается тема вина, пьяной бравады, но в отличие от традиции здесь часто присутствует сослагательность

или будущность («вот вернемся на гражданку»). Вполне естественно и в духе народной традиции наличие в поэзии солдат эротических мотивов и нецензурной лексики, которая используется для выражения экспрессивности. Не порывают с традицией, но все-таки ближе к реальности по своей конкретике шутки о солдатской еде. И как раньше «деревня смеялась над деревней», так и сегодня солдаты одного рода войск иронизируют над соседями – это форма игрового поведения жива, как и традиции языковой игры. С одной стороны, правильное речевое поведение мыслится солдатами как обязательная черта идеального командира, поэтому они высмеивают тех, кто нарушает нормы родного языка, а с другой стороны, они сознательно идут на нарушение правил функционирования языка в речи, чтобы добиться комического эффекта в стихах и словесных шутках. Солдаты склонны также к осмеянию в пародийных молитвах, указах других фактов армейского быта.

Смех дает возможность весело «разоблачать» и весело воспринимать суровые будни, юмористический настрой оказывается жизненно необходимым, помогает жить в буквальном смысле этого слова, поэтому в солдатской среде культивируется юмор как эмоциональный способ образного освоения армейской жизни. Иными словами, у солдат не просто склонность к улыбочивой шутке или злой иронии, но мажорность восприятия реальности, оптимистическое отношение к тяжелой, иногда тягостной армейской службе, в конечном итоге, весело-насмешливая норма поведения. Без преувеличения можно констатировать органическое претворение русской народной традиции и в принципе жизненного поведения современных солдат, и в их фольклоре.

---

¹ Колядина Е. Запомните, девочки, если бы не было российского солдата, вас бы ласкали ребята из НАТО// Комсомольская правда, 1997, 28 ноября, С. 6.

² Райкова И.Н. Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура. Сборник научных трудов и материалов. – М., 1995, С. 79-80.

³ Статья написана на материале примерно двадцати блокнотов солдат, служивших в последнее десятилетие в разных родах войск от Урала до Приморья и Камчатки. Блокноты собраны во время фольклорной практики и хранятся в архиве кафедры древней литературы и фольклора Уральского государственного университета.

⁴ Онежские былины. Подбор и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. – М., 1948, С. 851

⁵ Савченко С.В. Русская народная сказка: история собирания и изучения. – Киев, 1914, С. 39.

⁶ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I. М.–Л., 1949, С. 554.

⁷ Райкова И.Н. Указ, работа. С. 93-94

⁸ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Жест. М., 1983, С. 180.

⁹ Пономарев С. Что пост о себе Приуралье // Северный вестник, 1887, № 12, С. 75-76.